

***

Из слов, как из крошечного песка,
Я строю дом. Успеть бы до прилива...
Стрекозы синие, чуть толще волоска,
К воде бесстрашной жмутся сиротливо.
А в небе осень, в небе журавли,
Но слёз прощальных нету и в помине,
И листья, замирая у земли,
Ещё надеются, что ветер их поднимет.
Дострою дом, и набежит волна,
Потом вторая — сгладит угловатость,
Росток рационального зерна
Проклюнется сквозь слов витиеватость.
И вот уже ни дома, ни песка —
Слова и буквы, символы, значенья...
Вот так неодолимая тоска
Освобождает мысль из заточенья.

***

Вот мальчик-Будда кормит голубей,
Вокруг себя разбрасывая крошки.
И смотрят неприкаянные кошки
На голубей, которых нет белей...
Но даже здесь, за дверью всех дверей,
Таится зло, в тени познания древа,
Где пробовали плод Адам и Ева —
Которых нет несчастней и мудрей...
В долине снов добро и зло едины —
В руке у мальчика всех нитей середины,
А кошки, те, что ловят голубей,
От вкуса крови превращаются в людей.

***

Дрожанье рук и чёрных глаз горение —
Теперь, вдали, не худшая из мук —
Очередное стихосотворение,
Кромсая душу, произносишь вслух.
И, повторяя всё произошедшее,
Пытаешься слухавить: «Ну и пусть...»,
Но будущим становится прошедшее,
Навек запоминаясь наизусть.

***

В непонятном волшебном саду я сидела и пела,
И смотрела, как птицы на ветках сидят и поют.
Одинокое яблоко перед глазами висело,
И неслыханный змей потирался о ногу мою,
А потом говорил этот змей очень кротко и сладко,
И так ласков он был, и могуч, и не страшен совсем,
Я смеялась в ответ, обещала, что яблоко съем,
Но едва отвлеклась —
Змей меня проглотил без остатка.

***

Белый кит, не раскачивай этот плот,
Я купаний в холодной воде не приемлю,
Я на нём, как на льдине, — тридцатый год,
И всего один раз сошла на землю.
Хоть и твёрдо стоять — непривычно легко,
Хоть и было наземных немерено планов...
Мне пришлось на плоту дрейфовать далеко
От земли... К слову, я не умею плавать.
Не раскачивай, слышишь, твои глаза —
Два портала в подводное донное царство,
Где русалок разносятся голоса,
Только хочется мне на плоту остаться.
Я готова с тобой говорить хоть век,
Чтобы чувствовал ты, что кому-то нужен.
Белый кит, дорогой ты мой человек,
Не раскачивай, слышишь, тебе же хуже...

***

Нет сентября, нет жёлтых листьев,
Дождей холодных тоже нет.
Феназепама свежий блистер,
Кулёк сосательных конфет...
И я иду в линялой куртке
По тесным плесневым дворам,
Чтоб сэкономить на маршрутке
И колбасы купить котам.
Они, дворовые матросы, —
Хоть холод на дворе, хоть зной,
Без предрассудков и вопросов
Охотно знают со мной.
И, наплевав на все приличья,
Они считают за людей
Моих прекрасных, загадычных
Воображаемых друзей.

***

Сердце бабочкою-крапивницей
Через горло на волю вырвется,
Полетит за тобой и скроется —
Не найти его, не вернуть.

Я останусь стоять упрямою,
Со смертельной закрытой ранюю,
Будет ветер из-за околицы
Рваться прямо в пустую грудь.

Нет, не стану ему препятствовать,
И впущу, и позволю царствовать...
А за бабочку пусть помолятся,
Чтобы та отыскала путь.

***

Рассудок призываю на подмогу:
Мне должно быть серьезней... Что же я?
Смотрю на вас, дыханье затая,
И улыбаюсь (как дитя, ей богу!).
Когда всё пройдено, и всё предрешено,
И новый день вчерашнего срее,
Неловко видеть бабочек в сирени,
Танцующих так просто и грешно...
Я безоружна в этот летний вечер,
С улыбкой и тоской смотрю назад...
А бабочки садятся мне на плечи
И говорят.

***

Ты мне пишешь, и сердце захлебывается, клокочет,
И внутри у меня распускаются эдельвейсы,
Даже если вселенная знать обо мне не хочет,
И препятствует пересечению наших рейсов.

***

Ты спишь, и сон твой так глубок,
Что не разбудит тебя, милый,
Ни волк, кусающий за бок,
Ни гром, ни колдовские силы.
Ни вой, ни плач, ни стон, ни лай,
Ни стук, ни звон, ни треск сорочий,
Ни приглушенное: «Вставай»,
Во тьме кромешной, среди ночи.
И можно плакать и кричать,
Но так устроена природа:
Ты будешь крепко-крепко спать,
До моего к тебе прихода.

***

Нить спуталась в один огромный узел,
Хоть рви, хоть режь — сегодня всё равно.
Нельзя о прошлом думать, как о грузе,
Оно нам в назидание дано.
И как бы ни легла моя дорога,
В каких бы ни петляла городах,
Я буду вспоминать тебя с тревогой,
И часто видеть в самых горьких снах.

***

А я по ночам не так чтобы очень сплю —
Всё больше думаю: если бы да кабы...
Ты белым дымом из чёрной печной трубы,
Один на тысячу был, потому люблю.
Таким без крыльев надолго никак нельзя,
Вот и заметил ревнивый заклятый Бог,
Что мало рук тебе пары и пары ног,
Забрал, не думая, в свой белокрылый полк...
Без права выбрать, проститься с тобой не дав...
И даже в этом, кажется, Он был прав.

***

В моём городе снова снег,
Так надолго, и так не вдруг...
Это ада девятый круг,
И других объяснений нет.
За бедою придёт беда,
Всё в тумане, как в молоке...
Прикоснёшься к моей щеке
И рассеешься навсегда.

***

Спокойной ночи, серый волк!
Раскаиваться? Нет, не нужно,
Ведь это твой священный долг —
Есть маленьких и непослушных.
Сама от скуки заварю,
Потом расхлёбываю кашу...
Ты не случайно на краю
Нашёл заплаканную Сашу.
Хотела знать из первых уст
Густа ли шерсть твоя наощупь,
Как выглядит ракиты куст,
Упитанный ты или тощий...
От этих знаний будет толк:
Я обниму тебя за шею,
При следующей встрече, волк,
И уцелею.

***

...И вот сидим под деревом. К стволу
Прижавшись спинами, молчим, а под ногами
Плоды надкушенные. Лучше бы врагами
Нам разойтись.
Но ты окликнешь: «Саш?»...
А я тебя спрошу: «Который наш?»

***

Я выпущу тебя из виду,
И сердце ровно застучит.
Как будто давнюю обиду,
На город небо тьму сочит.
Он растворяется и тонет,
Он близорук до фонарей,
Он — как рисунок на картоне
Одной сокурсницы моей:
Вот шпиль, театр молодёжный,
Не город — горка из камней...
А ты не больше, чем прохожий
Под бледной вывеской моей.

***

Муж — не вредитель, груши полюбивший,
И не собаке пятая нога...
Он — тот, с которым мы — два сапога.
К нему неприменимо слово «бывший».
Когда за жизнь наворотил всего —
Купайся, не купайся на Крещение.
Но если у кого просить прощенья,
То у него.

***

Я не уйду, причин не перечесть...
Дурацкая, как ни крути, затея —
Через забор заветный перелезть,
И есть плоды, и слушать сказки змея...
Когда рискнуть посмею дорогим,
Вверх дном перевернётся жизнь:
Всё тот же змей, но с умыслом другим.
Укус. Падение.
— Орфей, не оглянись!

***

Времени горькое темноводье
Камни-воспоминанья точит.
Как же мне хочется многоточий,
Там, где предельно всё ясно, вроде...

Ветер принес мне песок и пепел,
Как невозможного обещанье.
Тихо спою тебе на прощанье,
Чтобы твой сон был глубок и светел.

Если болит, так что зубы сводит,
Как не согнуть пополам спину?
Времени горькое темноводье,
Дай захлебнуться в тебе и сгинуть.

***

В эту долгую зиму потери настолько привычны,
Что уже и не вспомнишь про яд или пулю в стволе.
И пиратские корни, и христианский обычай —
Заставляют всё самое ценное прятать в земле.
Не реви, заживёт, пусть не завтра,
но к свадьбе-то точно...
Не гадай — для чего, почему и по чьей же вине? —
Каждый шторм — для того, чтоб проверить
корабль на прочность,
Но и самый добротный найдёт своё место на дне.